

Последняя глава содержит выводы и синтез всего изложенного. Здесь же рассмотрен возраст топонимов. Частично возникли они за пару столетий до прихода шведских поселенцев, частично еще раньше. С помощью анализа топонимов автор установила, что до прихода шведов на островах уже существовало постоянное население. Достаточно убедительно по-

казала она, откуда пришли на острова финские поселенцы.

В итоге можно констатировать, что топонимика Финляндии обогатилась ценным по содержанию и безукоризненным по техническому исполнению исследованием. Сфера применения и влияния этой работы выходит далеко за рамки изучения топонимии двуязычных территорий Финляндии и вообще финской ономастики.

ВАЛДЕК ПАЛЛЬ (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1986.3.12>

Muusa Ojanen, Adjektiivikategoria venäläis-lyydiläisissä kontakteissa. *Lingvistinen interferenssitutkimus*, Joensuu 1985 (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 4) (MSFOu 188), 312 с.

Межъязыковые контакты пользуются постоянным вниманием исследователей уже потому, что способствуют выявлению происхождения слов. Начиная с 1950-х годов, когда были опубликованы выдающиеся труды У. Вайнрайха и Э. Хаугена, заметно стремление рассматривать язык как единое целое, т. е. с учетом фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и семантики. На перемещение слов и языковых элементов вообще из одного языка в другой могут влиять и экстралингвистические факторы (напр., экономические, политические, социальные). При этом межъязыковые контакты никогда не бывают односторонними, в большей или меньшей мере оба языка воздействуют друг на друга. Создание целостной картины тем самым требует от исследователя многого. Прежде всего необходимо уметь ориентироваться в фактах современного языка. Однако для правильной интерпретации их следует знать историю языка, а также и положение общего языкознания.

М. Оянен впервые в отношении прибалтийско-финских языков анализирует влияние русского языка на всех языковых уровнях. Как объект влияния рассматривается людиковское наречие карельского языка, причем автор ограничивается категорией прилагательного. В качестве корпуса исследования использованы людиковские диалектные тексты: P. Virtanta, *Lyydiläisiä tekstejä I—V*, Helsinki 1963—1984 (MSFOu 129—132, 165). Правда, это рассказы одного человека,

т. е. идиолект Стефана Хуотаринена, но автор убедительно показала, что данное обстоятельство здесь не существенно. Ведь в ее задачу не входит выяснить, сколько (в числовом выражении), например, в людиковском наречии заимствованных из русского языка прилагательных. Гораздо важнее, каковы они, когда и как употребляются, как русская категория прилагательного в целом повлияла на таковую в людиковском наречии. Таким образом исследование М. Оянен целесообразно ограничено как по теме, так и по объему.

Однако успех любой работы в определенной мере зависит от личности ее автора. М. Оянен, которая наряду со многими другими проблемами, не могла обойтись и двуязычия, сама тоже двуязычна. Владение русским языком позволило ей углубиться в соответствующую научную литературу, изданную в СССР, а владение финским — быть в курсе новейших финских исследований, например, по синтаксису. Поражает умение автора в нужном месте и в необходимом объеме давать информацию из источников на русском и других языках, идет ли речь о категории прилагательного в русском языке, о различных точках зрения или дефинициях, фактах истории языка и т. д. Автор не только сопоставляет, но и подбирает, осмысливает или переосмысливает то, что наилучшим образом отвечает ее видению языковой ситуации.

Рецензируемая работа весьма насы-

ценна по содержанию и, естественно, затронуть здесь все ее аспекты невозможно. Хотелось бы выделить некоторые существенные моменты, заслуживающие внимания и в будущем — при выполнении других подобных работ.

М. Оянен находит, что основное синтаксическое различие между прилагательным и существительным как в русском, так и в прибалтийско-финских языках состоит в том, что существительное в предложении — это определяемое, а прилагательное — определение. Значение прилагательного часто зависит от определяемого и его значения. В связи с этим семантику особенно прилагательного трудно выявить вне языкового контекста (resp. словосочетания). При этом возникает вопрос, являются ли генуинные и заимствованные прилагательные синонимами или каждое имеет свою сферу употребления. В действительности синонимы все же редки, например, *urhak* ~ *smiel* ~ *udal* 'смелый' (с. 114). Для номинации новых предметов и понятий может заимствоваться словосочетание целиком, например, *lesopilni* *zavod* 'лесопильный завод'. В последнем случае возможно и лишь случайное заимствование или цитата. (В людиковских текстах цитаты встречаются особенно в терминологии православной церкви). В то же время не исключена возможность обобщения в языке и через них иноязычного элемента (с. 129 и след.).

М. Оянен различает в людиковских словосочетаниях непосредственное и опосредованное влияние русского языка. Первое дает, например, *Novgorotski gubernia* 'Новгородская губерния', *ekaterinski aig* 'екатерининское время', потому что в людиковском наречии определение в генитиве. В другом случае такая конструкция не чужда заимствующему языку, однако употребление ее распространилось под влиянием русского языка. Словосочетание не превратилось в сложное слово, как это свойственно людиковскому наречию, или же используются обе возможности выражения. Особенно это бросается в глаза, если прилагательное обозначает вещество, например, *hobedaine d'vng* ~ *hobedteing* 'серебряная монета' (с. 276 и след.).

Можно еще раз убедиться, как важно исследование любого языка в аспекте общего языкознания. Многие лингвисты (начиная с Хаугена) считали, что заимство-

вания приспособляются в заимствующем языке к более общей (более инвариантной) парадигме. Для людиковского наречия, согласно М. Оянен, это верно лишь отчасти. Заимствованные прилагательные (на -*uoi*, *i*, *ii*) склоняются в единственном числе и в номинативе множественного (частично и в партитиве) по более общему типу (*laluoi*). В других падежах множественного числа они изменяются по типу *kuoti*, т. е. с помощью иноязычного элемента расширилась сфера употребления редкой парадигмы (с. 173).

С одной стороны, людиковское наречие заимствовало целые гнезда слов: *karavoul* 'vartiointi, väijyntä', *karavulida* 'vartioida', *karavalni* 'vartiomies' < рус. диал. *каравул*, *каравулить*, *каравульный*. С другой стороны, от заимствований образованы новые слова в соответствии с собственно людиковской деривационной системой: *karavul* → *karavulind* 'охрана' (с. 218). Вообще, положение со словообразованием сложно. Как свидетельствуют диалектные тексты, заимствоваться могут как прилагательные, так и наречия того же корня. (Однако заимствование последнего не предполагает обязательного заимствования и прилагательного.) Наряду с ними может употребляться и свое производное, например, *krulii* 'jyrkkä', *kruto* 'jyrkästi, äkkinäisesti' (< рус. *крутой*, *круто*) → *krulošti* 'äkkiä' (с. 219 и след.). Заимствованные элементы в основе деривации, по мнению автора, свидетельствуют о том, что заимствованные слова стали частью генуинной лексики, т. е. ассимилировались. Второй причиной может быть потребность в новых словах (с. 222), которые создаются на базе заимствованных основ с применением возможностей своего языка.

До настоящего времени в работах встречались лишь робкие упоминания о влиянии русского языка на синтаксис того или иного прибалтийско-финского языка. М. Оянен же всесторонне обосновывает свои положения. Она привлекла многие работы по историческому синтаксису русского языка и показала изменение синтаксических конструкций во времени. В части людиковского наречия пришлось обратиться к другим прибалтийско-финским языкам и наибольшей опорой при этом

стали исследования, выполненные в Финляндии. Не раз М. Оянен приходилось сетовать по поводу отсутствия работ по ряду центральных проблем (например, о порядке слов в предложении), касающихся прибалтийско-финских языков в целом. Поэтому не всегда возможны и окончательные выводы.

Интересно же то, что даже в одном типе предложений кроется подчас несколько возможностей. Например, в типе (фин. *kokijalause*), где прилагательное выражает психическое или физическое состояние, субъект по сути стоит в аллативе в людиковском наречии, в генитиве — в финском языке: *hebole on d'uged vedata ~ hevosen on raskas vetää* 'лошади трудно везти'. Употребление здесь аллатива — влияние датива русского языка, но предикативное наречие русского языка заменено своим прилагательным. (М. Оянен считает подобные конструкции некими синтаксическими полупереводными заимствованиями). В то же время в диалектных текстах встречаются предложения, полностью отвечающие модели русского языка: *mille ro'dihe strašno* < рус. *мне стало страшно* (см. с. 270 и след.).

Иногда же русский язык косвенно помог сохранить изначальное состояние. Например, при сказуемом, выраженном прилагательным, которое в людиковском наречии имеет форму номинатива, а в финском языке — партитива: *haugid oli krapnuoid ~ haukia oli suuria* 'щуки были большие' (с. 250 и след.). В людиковском наречии, действительно, сохранилось более раннее состояние: как подлежащее, так и сказуемое имеют форму номинатива. Однако под влиянием русского языка связка *olla* могла сместиться с первоначальной позиции на место после сказуемого (SPV) или вообще утратиться (SP) (с. 253, 278). Последнее изменение в предложениях этого типа косвенно повлияло на позицию прилагательного в роли сказуемого (с. 278).

Докторская диссертация М. Оянен свидетельствует о компетентности ее автора, умении анализировать и синтезировать. Она способна просто (но не упрощенно) изложить сложные проблемы. Читатель невольно начинает постигать, как сложен, богат и изменчив язык как таковой и насколько мало мы еще его знаем.

ХЕЛЬМИ НЕЭТАР (Таллин)

Д. Е. Казанцев, *Формирование диалектов марийского языка, Йошкар-Ола 1985. 159 с.*

Книга Д. Е. Казанцева является ценным вкладом в исследование этногенеза марийского народа, поскольку автором трактуются прежде всего проблемы формирования марийского этноса начиная с распада волжско-финской общности до XVIII в. К этому времени, по мнению автора, уже сложились известные в настоящее время диалекты марийского языка. Д. Е. Казанцев не занимается вопросами сложения группы марийцев, живущих на территории Башкирии, потому что массовое переселение их происходило после рассматриваемого периода. Он базируется в первую очередь на археологических исследованиях, относительно более поздних времен использует и письменные документы, демонстрируя с помощью последних изменения, происшедшие в численности марийского населения в разных местностях, и соотношение их с другими народностями.

Исторические факты он пытается согласовать с языковыми.

В начале книги подробно перечисляются толкования этнонима *черемис*. К сожалению, ряд маловероятных попыток автор пополняет собственным объяснением, согласно которому *черемис* состоит из мордэ *чи* 'солнце' + суффикс прилагательного *-ре* + прибалт.-ф. **mes* 'мужчина' (досл. 'солнечный человек', т. е. живущий на востоке от мордвы). Однако эрз. *чи* не встречается с суффиксом *-ре* и упомянутое прибалтийско-финское слово не имеет мордовского соответствия. В новом этимологическом объяснении Д. Е. Казанцева кроется столько фонетических и семантических трудностей, что лучше сразу отказать от него.

Вслед за этим рассматривается история изучения марийских диалектов, что представляет собой самый подробный до